

СТАТЬИ

**Н. А. Дубова, Н. М. Лебедева, Е. А. Оборотова,
А. П. Павленко**

АДАПТАЦИЯ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Адаптация этнических групп к новой природной и этнокультурной среде обитания представляет собой комплексный многоуровневый процесс, затрагивающий все сферы жизнедеятельности этнических общностей. В первой публикации на ту же тему¹ акцентировалось внимание на особенностях расселения русских старожилов Азербайджана, на их численности, демографических показателях, на изменениях в хозяйстве и связанных с ними сторонах материальной культуры. В данной статье обобщаются первые результаты исследований психологических аспектов приспособления этнических групп к иной географической и этнокультурной среде. В ракурсе проблемы адаптации рассматриваются антропологические параметры и показатели здоровья русских старожилов, а также особенности брачных связей в данных популяциях.

Как известно, существует несколько вариантов адаптации этнической общности к иной среде. Первый — постепенное вращение, точнее, взаимопроникновение в окружающую этнокультурную среду, с ростом числа межэтнических браков, многообразными заимствованиями в области материальной и духовной культуры. Другой вариант — довольно жесткая изоляция во всех сферах жизни. Между этими полюсами возможно разнообразие переходных форм и типов этнокультурной адаптации, подчиняющейся конкретным, объективным и пока еще мало изученным закономерностям.

Успешность адаптации этнических групп к новой среде обитания зависит не только от правильного построения жилища, ношения удобной в данных условиях одежды, умения приспособить традиционное питание к местным условиям, перестройки некоторых элементов духовной культуры и т. д. В тесной связи с психологическим здоровьем этноса находится и сохранение физического здоровья его носителей. Именно оно вместе с демографическими характеристиками служит показателем благополучия функционирования биологической системы, каковой является изолированная популяция. Поэтому прежде всего следует остановиться на некоторых аспектах биологической адаптации русских старожилов в Азербайджане.

Еще в 20-х годах В. В. Бунак сформулировал задачи изучения приспособительной изменчивости — акклиматизации человеческих рас. Акклиматизацию В. В. Бунак понимал как «способность организма подвергаться незначительным морфологическим и функциональным изменениям, не нарушающим общий тип индивидуума и обеспечивающим способность жить и, главное, размножаться в несвойственной индивидууму новой обстановке»². В этой же работе ученый выделил четыре основных фактора акклиматизации: метеорологический (климатический), биотический (приспособление к биологическим условиям среды — растительность, животный мир, микроорганизмы и пр.), расовый (столкновение переселенцев с новым эндо- и экзопаразитическим миром, носителем которого является аборигенное население, а также с новой культурной и психологической средой) и, наконец, эргологический (различия между переселенцами и аборигенами в пище, укладе жизни и гигиеническом режиме). Следует иметь в виду, что в отличие от общего подхода в этнической экологии, когда выделяют-

ся две группы факторов — природно-экологические и этнокультурные³, В. В. Бунак выделил вышеперечисленные факторы под углом зрения изменения именно биологических характеристик популяции.

Явление акклиматизации В. В. Бунак четко отграничивал от глубинных изменений в строении и функциях, которые претерпевают популяции человека в процессе длительного приспособления к новым, необычным для них условиям существования. Этому посвящены исследования, проводимые в течение ряда лет группой под руководством Т. И. Алексеевой⁴, обосновавшей концепцию адаптивных типов, которые формировались на протяжении всей истории человечества и независимы от расовой и этнической принадлежности групп⁵. В одних и тех же геоклиматических условиях разные по происхождению группы имеют сходные приспособительные реакции. В то же время в различных условиях обитания близкие в генетическом отношении группы демонстрируют морфофункциональные различия, обусловленные воздействием окружающей среды.

При переселении группы из одной местности в другую первым шагом на пути формирования морфофункциональных особенностей, соответствующих адаптивному типу данной территории, будут акклиматизационные изменения. Изучение их сосредоточено на приспособительных реакциях к контрастным условиям: высокогорью, аридной зоне, резко континентальному климату, условиям Крайнего Севера и т. д. Однако любое, даже незначительное, перемещение на новое постоянное место жительства сопряжено с определенной перестройкой внутренней деятельности организма человека. Данное состояние описано Г. Селье⁶ как «адаптационный синдром». Следствием этого синдрома и конкретным его проявлением (особенно при длительном воздействии любых стрессогенных факторов) является развитие ряда неинфекционных заболеваний, в первую очередь гипертонии, атеросклероза, в отдельных случаях сахарного диабета, раковых заболеваний и др.⁷ Пороговые значения изменений, необходимых для проявления адаптационного синдрома, и степень его выраженности у отдельных индивидуумов различны. Есть основания предполагать, что и у различных популяций эти показатели будут варьировать.

У русских старожилов Азербайджана мы встречаем очень интересную модель акклиматизационной изменчивости. Относительно однородные по антропологическому типу, значительные по численности группы, происходившие из центральночерноземных районов (пограничные районы нынешних Тамбовской, Саратовской и Воронежской областей), переселились в 30—40-е годы XIX в. в Закавказье. Как уже отмечалось, большинство русских сел основано сектантами и представляет собой в целом замкнутые в брачном смысле общины. Расположены они в различных географических зонах Азербайджана, в районах: Джалилабадском (села Новоголовка, Привольное, Пришиб) — в степях, где климат субтропический; в Исмаиллинском (с. Ивановка); Шемахинском (села Астрахановка, Кировка, Чухурюрд, Хильмилли) и Варташенском (с. Бёюк-Сёюдлю) — в предгорьях с умеренно теплым влажным климатом; в Кедабекском (села Новоивановка, Новосаратовка, Славянка) — в горах, где климат более холодный, чем во всех перечисленных зонах. Поскольку русские проживают здесь уже около 150 лет (приблизительно шесть поколений), мы имеем возможность проанализировать не только проявление адаптационного синдрома, но и ступени адаптации, т. е. механизм закрепления в генофонде популяции наиболее выгодных в данных условиях сочетаний морфологических и функциональных характеристик.

С учетом этих главных направлений была разработана комплексная программа исследований адаптации русских к условиям Азербайджана, а летом и осенью 1987 г. нами были собраны первые антропологические и медицинские данные. Наиболее подробно изучена единственная в своем роде популяция с. Ивановка Исмаиллинского р-на. Всего в селе проживает 3,6 тыс. чел., из них русских — 2,9 тыс. В составе экспедиции работали сотрудники НИИ антропологии и Музея антропологии МГУ, в задачи которых входило изучение

морфологии тела (включая и конституциональные особенности) взрослого и детского населения, остеоморфного статуса взрослых, развития обоняния и чувствительности к фенилтиокарбамиду. Генетико-демографическое и генеалогическое обследование русского населения с. Ивановка, проведенное также сотрудником НИИ антропологии Б. Н. Казаченко, позволит увязать изменчивость показателей внутри поколений с передачей их от родителей к детям, а также выявить наличие генетически обусловленной изменчивости морфологических характеристик.

Медицинские исследования, которые были выполнены коллективом Института геронтологии АМН СССР (Киев), Института физиологии АН АзССР и Института переливания крови Минздрава АзССР (Баку), включали обследование терапевта, невропатолога, электроэнцефало- и электрокардиографию, ритмо- и артериопьезографию (определение характера давления крови внутри артерий), гормональные и офтальмологические исследования, а также количественное определение степени склеротизации поверхности кровеносных сосудов (доплерография) и другие показатели. Изучалось состояние питания населения. Определение групп крови (ABO и Rh) и антропогенетических признаков, кефалометрическую и кефалоскопическую программу, сбор демографических материалов (архивные данные о брачности, смертности, похозяйственные списки в динамике с 1935 по 1987 г.) проводил Институт этнографии АН СССР⁸. Данное комплексное обследование даст возможность подойти вплотную и попытаться в дальнейшем получить характеристику состояния здоровья населения не только по выраженности в популяции тех или иных патологических состояний, но и по изменчивости показателей в пределах нормы. Это, в свою очередь, при сравнении русских Азербайджана с населением районов, откуда шли их предки, даст вектор адаптационных изменений.

Для оценки степени гетерогенности русских сельчан и углубленной характеристики особенностей антропологического типа, в частности на основе анализа изменений пределов вариации различных признаков, по короткой антропологической программе (кефалометрия, кефалоскопия и одонтология) было исследовано население сел Новоголовка и Привольное Джагилабадского р-на и сел Чухурюрд и Хильмилли Шемахинского р-на. У жителей с. Новоголовка невропатологом и терапевтом был также проведен клинический осмотр, получены статистические материалы по заболеваемости. Таким образом, нами в настоящее время изучены жители двух русских старожильческих ареалов на территории Азербайджана — Шемахинского и Джагилабадского. Остается пока неисследованным лишь Кедабекский р-н.

Полная обработка материалов еще не завершена, но уже в настоящее время мы можем проанализировать изменчивость отдельных антропологических характеристик в нескольких территориальных группах. Прежде всего отметим, что русские Азербайджана более брахицефальны и имеют большие широтные размеры как головы, так и лица по сравнению с населением районов выхода (табл. 1).

Для указанных признаков русских Азербайджана характерно сужение пределов их вариации (табл. 2) по сравнению с Юго-Восточной зоной РСФСР. В то же время природные условия, в которых живут обследованные группы, различаются, как уже указывалось, значительно сильнее, чем у русских в Саратовской, Тамбовской и Воронежской областях, отдельные районы которых включаются в юго-восточную антропологическую зону. Такое увеличение размеров головы переселенцев по сравнению с районами выхода отмечалось ранее как для русских Азербайджана⁹, так и для старожилы Сибири и Алтая¹⁰. В Сибири некоторые отличия старожилы от населения Европейской части страны могут быть в какой-то мере объяснены смешением с местным населением¹¹. Основной же причиной этого В. В. Бунак и Г. М. Давыдова считают проявление гетерозиса в результате расширения круга брачных связей, а также возможность случайной миграции соматически более крупного населения.

Таблица 1

Сравнение некоторых антропометрических характеристик русских Азербайджана и Юго-Восточной антропологической зоны *

Признак	Русские в Азербайджане		Русские в Юго-Восточной зоне	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Продольный диаметр	190,2	181,5	191,0	182,3
Поперечный диаметр	154,7	150,1	152,6	146,9
Головной указатель	81,4	83,3	80,0	80,7
Морфологическая высота лица	126,2	115,7	124,5	115,8
Скуловой диаметр	143,0	137,7	139,7	132,2

* Имеется в виду Юго-Восточная антропологическая зона, выделенная в результате работ Русской антропологической экспедиции. Показатели рассчитаны по материалам этой экспедиции (см.: Происхождение и этническая история русского народа // Тр. Ин-та этнографии. Т. 88, М., 1965). Эта зона включает дон-сурскую, степную, средневожскую и десно-сеймскую группу антропологических типов.

Таблица 2

Некоторые антропологические характеристики головы и лица русских, проживающих в разных селах и р-нах Азербайджана

Село, район	Пол и число опрошенных	Продольный диаметр	Поперечный диаметр	Головной указатель	Головной модуль	Скуловой диаметр	Морфологическая высота лица
Новоголовка	Мужчины N=35	188,3	153,6	81,6	171,0	143,8	124,5
	Женщины N=56	180,4	150,3	83,3	165,4	137,9	115,0
Привольное	Мужчины N=38	189,6	154,9	81,7	172,2	142,0	126,6
	Женщины N=55	181,4	149,5	82,4	165,4	138,2	116,0
Джалилабад-ский р-н суммарно	Мужчины N=73	189,0	154,3	81,6	171,6	142,9	125,6
	Женщины N=111	180,9	149,9	82,9	165,4	138,1	115,5
Хильмилли	Мужчины N=56	190,7	154,7	81,1	172,7	141,7	126,1
	Женщины N=57	181,0	151,0	83,4	165,9	136,8	113,1
Чухурюрд	Мужчины N=47	190,1	156,0	82,1	173,0	141,9	128,5
	Женщины N=39	181,0	155,5	85,9	166,2	138,4	118,0
Шемахин-ский р-н суммарно	Мужчины N=103	190,4	155,3	81,5	172,8	141,8	127,2
	Женщины N=96	181,0	152,8	84,4	166,0	137,5	115,1
Ивановка Исмаиллинско-го р-на	Мужчины N=237	190,5	154,7	81,2	172,6	143,6	126,0
	Женщины N=263	182,0	149,2	82,0	165,6	137,6	116,1
Суммарно пределы вариации	Мужчины N=413	189,5— 193,0	151,2— 154,7	78,7— 81,7	170,5— 172,8	138,4— 140,7	123,4— 125,4
	Женщины N=263	180,6— 183,9	146,0— 148,0	79,7— 82,0	163,9— 165,4	130,8— 132,6	114,7— 117,1

Кроме того, в литературе имеются сведения, что мигранты занимают в популяции, из которой они вышли, крайнее положение (более крупные размеры тела и головы, большая брахикефалия и более высокое физическое развитие). Можно, видимо, предположить, что к миграциям склонны в первую очередь более матуризованные индивидуумы. Но русские переселялись в Азербайджан по требованию властей. Поэтому предполагать в изучаемых популяциях «искус-

ственный отбор» наиболее крупных и физически развитых людей вряд ли возможно.

Но вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Какая-то часть сектантов могла и не пожелать переселяться, приняв православие¹². Существует, по-видимому, два варианта выхода личности из критической ситуации: или путем внутренней перестройки самой личности, или путем изменений внешних условий существования. Кроме того, далеко не каждый психологически способен к протесту, каковым в данном случае было молоканство по отношению к православию. Можно предположить, что у людей, объединившихся в конфессиональную общину, могут быть сходные психологические характеристики. Они могли иметь какие-то общие морфологические (например, конституционные) и психофизиологические (скажем, скорость протекания реакций) признаки. Здесь мы подходим к очень важному и интересному вопросу соотношения психологических и морфологических характеристик. В литературе имеются данные, свидетельствующие, что такие связи прослеживаются¹³, однако углубленное их рассмотрение — дело будущего.

Вывод о проявлении эффекта гетерозиса в старожильческих группах Азербайджана также достаточно спорен. Об этом свидетельствует детальное изучение круга брачных связей среди русского населения Закавказья, которое проводилось в селах Чухурюрд и Хильмилли Шемахинского р-на, Новоивановка, Новосаратовка и Славянка Кедабекского р-на, Ивановка Исмаиллинского р-на АзССР, а также частично в с. Лермонтово Гугаркского р-на АрмССР. Целью исследования было выявление круга брачных связей в указанных селениях и анализ взаимоотношений между селениями по количеству фамилий, характерных как для одного села, так и общих либо для разных пар селений, либо для всех обследованных сел. Другая задача — показать, являются ли брачные группировки в селениях, выбранных для обследования, устойчивыми, как организован их брачный обмен с соседними селами. Требовалось также оценить степень сохранения традиционных норм брачного поведения и охарактеризовать принципы брачно-родственной структуры в обследованных селениях.

Изученное население представляет собой несколько довольно обособленных популяций. Состав брачного круга на протяжении нескольких поколений оставался практически без изменений. Пришлое население незначительно — отсюда явное преобладание браков между жителями одного селения. Доля браков, заключенных внутри того или иного селения, колеблется в сравнительно узких пределах — от 50 до 70%. Например, в Новоивановке браки внутри села составили 68,8%, а в Новосаратовке — 70,8%.

В каждом селе имеется (что вполне естественно) группа фамилий, выделяющаяся количеством семей. В с. Чухурюрд из 79 фамилий (385 семей) самые многочисленные: Половинкины — 29 семей, Шевердяевы — 23, Кастрюлины — 22 и Юрины — 21. В Хильмилли из 80 фамилий (547 семей) 48 — Рахманины, 31 — Борисовы, 26 — Красичковы и 22 — Вологины. В с. Новоивановка, где насчитывается 39 фамилий (151 семья), наиболее многочисленными являются Бавины — 18 семей, Новоятлевы — 14, Легоньковы — 10 и Аришины — 8. В Новосаратовке — 33 фамилии (200 семей), из них Поповы (36 семей), Бычковы (21), Богдановы (20) и Коробовы (17) самые многочисленные. В с. Лермонтово из 45 фамилий (383 семьи) самые крупные: Шубины — 65, Шутовы — 34, Болотины — 31 и Чичевы — 30. В с. Славянка (кстати, духоборческое), где насчитывается 67 фамилий (229 семей), более всего распространены Стреляевы — 28 семей, Агафоновы — 22, Филипповы — 16 и Ничволодовы — 8.

Следует отметить, что население обследованных сел (и в Азербайджане, и в Армении) имело в прошлом, по-видимому, значительное число общих предков. Это ясно из того, что некоторая часть фамилий встречается не только в одном, а в двух или большем числе селений. Так, фамилия Болотины встречается в селах Новоивановка и Лермонтово, фамилии Васильевы и Кривовы — в Новоивановке и Чухурюрде, Морозовы и Савельевы — в Чухурюрде и Хиль-

милли, а семьи с фамилией Поповы проживают во всех обследованных селениях. Следует отметить, что и в селении Славянка, где, как уже отмечалось, проживают духоборы, можно встретить фамилии, распространенные среди молокан, например Бавины, Богдановы, Бучневы, Ивановы, Поповы, Сысоевы.

Собранный материал продемонстрировал стойкое сохранение в среде русских старожилов основных традиционных норм брачного поведения, характерных для сектантов,— браков внутри селения. При этом частота браков между представителями определенных семей (а они, как правило, самые многочисленные) довольно значительна. Так, например, в с. Новоивановка из 39 брачных пар, где мужья носят фамилию Бавиных, в 26 (66,6%) жены из этого же села, причем значительная часть их (почти 25%) приходится на фамилии Аришиных, Бавиных, Легоньковых и Новоятлевых. А в с. Новосаратовка из 14 брачных пар, где мужья принадлежат к фамилии Богдановых, в 7 (50%) жены из этого же села, и почти половина их (43%) из фамилии Богдановых. Поскольку в брачные связи вступали мужчины и женщины, не сильно различающиеся по возрасту, то брачный выбор в таких популяциях ограничен, а степень троюродного родства между уроженцами селения сравнительно высока. Так, например, в с. Ивановка каждые два случайно взятые индивидуума будут находиться между собою в родстве не более далеком, чем троюродное.

Принимая во внимание сравнительно небольшую численность популяций (жителей того или иного селения) и их изолированность, высокую степень браков внутри села, устойчивость системы брачных традиций в историческом аспекте, естественно допустить наличие отдельных браков между родственниками. В обследованных популяциях при стабильном брачном круге у вступающих в брак повышается доля общих предков, возрастают степень родства и вероятность сочетания однородных генотипов.

Таким образом, даже современному русскому населению в Закавказье свойственно не столь резкое расширение круга брачных связей, как в других областях страны. В то же время, как уже неоднократно подчеркивалось, русские, поселившиеся в Азербайджане, были представителями разных популяций. Поэтому на первом этапе поселения расширение круга брачных связей безусловно имело место, а эффект гетерозиса мог сказаться у первых двух-трех поколений переселенцев. Русские в Закавказье живут уже не менее шести поколений, и, как отмечалось в уже опубликованной статье В. И. Козлова и др.¹⁴, миграция в села извне за последние 60—65 лет была незначительна. Все это заставляет критически отнестись к выводу о наличии эффекта гетерозиса у современных групп¹⁵. Думается, в данном случае можно предположить действие в этих популяциях специфического механизма онтогенеза, обеспечивающего укрупнение общих размеров тела и головы и сформировавшегося в результате определенных (тоже пока неизвестных нам) преимуществ, которые получают такие индивидуумы в условиях нового места жительства. Особое внимание, видимо, следует уделить внутренним связям в организме.

В заключение охарактеризуем состояние здоровья населения. Данные такого рода получены по Джагилабадскому, Кедабекскому, Шемахинскому р-нам (структура заболеваемости по нозологическим формам) и по с. Ивановка Исмаиллинского р-на (комплексное медицинское обследование населения). Анализ заболеваемости проводился по диагнозам из историй болезней участковых сельских больниц, дифференцированно у русских и азербайджанцев (по заключительным больничным диагнозам) за 1967—1968 и 1984—1985 гг. В оба периода у русских преобладают ишемическая болезнь сердца, гипертония различной степени выраженности, у азербайджанцев же — болезни органов дыхания и пищеварения. Смерть у русских (по данным стационаров) наступает чаще всего от инфаркта миокарда и сердечной недостаточности. Во всех возрастных периодах (от 20 до 80 лет) частота сердечно-сосудистой патологии в два-три раза выше у русских, чем у азербайджанцев. Эти данные трактуются медицинскими работниками как нарушения в структуре взаимоотношений гено-

тип — среда и свидетельствуют, по их мнению, о дезадаптации населения¹⁶. Теоретически, конечно, можно предположить, что в результате неблагоприятного воздействия новой для русских природной среды их заболеваемость повысилась.

Думается, однако, что такой вывод, является преждевременным прежде всего потому, что пока мы не имеем сравнительных данных по общей (и дифференцированно по нозологическим формам) заболеваемости как русских, так и азербайджанцев. У нас нет также этих показателей для русских тех районов, из которых в середине прошлого века шла миграция. Учитывая эпохальную динамику заболеваемости, было бы логично предположить, что русские, заселяя этот регион, могли иметь генетически закрепленную предрасположенность к сердечно-сосудистой патологии. Тогда фиксируемая структура заболеваемости в настоящее время — показатель сохранения русскими свойственного им генофонда и соответственно успешной акклиматизации в условиях Азербайджана. Окончательное решение этого вопроса следует отложить до получения необходимых материалов и их анализа.

Социально-психологическое исследование, проводившееся в русских селах Азербайджана¹⁷ в июле-августе 1987 г., во многом имело поисковый характер в силу слабой разработанности методики исследований, ведущихся на пересечении этнической психологии, психологии среды, этнографии и социальной географии.

Проблема психологической адаптации переселенческих групп к иной природной среде — одна из самых неразработанных как в советской психологической науке, так и за рубежом, по крайней мере в том аспекте, в котором мы здесь рассматриваем ее: изменилась ли (и как) психологическая ориентация на определенный тип природной среды у представителей этнической общности в результате переселения в иную географическую среду; стала ли она «родной» для переселенцев? Для решения этой задачи был разработан метод ранжирования ландшафтов основных географических зон — по степени их субъективного предпочтения.

Согласно полученным результатам, в различных русских селах в зависимости от преобладающего типа ландшафта разными оказались и природные зоны, выбранные в качестве «своей», «родной», что само по себе говорит об адаптации русских к новой природной среде. Однако хотелось бы отметить, что у русских переселенцев наибольшую удовлетворенность вызывает тип природной среды, близкий к характерному для исторической зоны выхода мигрантов.

Результаты факторного анализа оценок природных ландшафтов по применяемому в психологических исследованиях методу семантического дифференциала показали, что при оценке русскими всех видов природных ландшафтов в первый фактор с самой большой нагрузкой входит такая характеристика, как «просторный». При оценке нетрадиционных для России горных ландшафтов у русских поселенцев появляются новые характеристики, такие, как «веселый» и «щедрый», которые в свою очередь являются основными характеристиками природных ландшафтов у азербайджанцев. Можно предположить, что в психосемантической структуре представителей определенного этноса есть довольно устойчивые элементы, через призму которых воспринимаются природные ландшафты, и в то же время под воздействием новых типов ландшафтов может меняться сама психосемантическая структура их восприятия, т. е. появляются новые элементы, «наведенные» именно данным типом природного ландшафта. К сожалению, эта чрезвычайно интересная тема почти не разработана в современной психологической науке.

На сегодняшний момент следует признать, что русские переселенцы к природным условиям Азербайджана адаптировались успешно, решив основные задачи хорошей адаптации: сохранить свое «ядро», свою структуру в общих чертах неизменной и в то же время «врасти» в иную среду, сродниться с ней.

Вторая, не менее важная проблема — адаптация этнической общности к иной этнокультурной среде. При этом действуют две тенденции — сохранения и изменения, что находит отражение в этническом самосознании и сознании общности, которые и являются объектом социально-психологического изучения. Эту проблему мы изучали с помощью методов этнических авто- и гетеростереотипов, шкалы социальной дистанции Богардуса¹⁸ по этническому признаку (формализованной для работы в конкретных условиях) и метода ранжирования значимых отношений, направленного на выяснение статусов контактирующих групп. Для исследования этнических стереотипов применялась модифицированная методика Катца и Брели¹⁹: испытуемым предлагалось назвать 5 наиболее типичных черт, характерных для представителей данной этнической группы в целом (своей собственной и соседней). Основное внимание было уделено рефлексивной функции этнических стереотипов, особенно автостереотипов, как гибких, подвижных компонентов этнического самосознания, чутко реагирующих на изменения внешней и внутренней среды.

Этнические стереотипы исследовались в трех основных формах, или направлениях: 1) как отражение изменений, происходящих в этнической общности в результате межкультурного общения (вопрос о межкультурных заимствованиях), 2) как рефлексия подобных же изменений, явившихся результатом отрыва или изоляции от основного массива данной национальной культуры, и 3) как характеристика интенсивности и характера межатнических контактов данной общности.

Рассмотрим эти формы более подробно.

1. Межкультурные заимствования. Несмотря на довольно высокий процент опрошенных, отрицающих межкультурные заимствования (русские у азербайджанцев «ничего не переняли», считают 42% опрошенных русских и 53% азербайджанцев; а азербайджанцы «ничего не переняли» у русских, полагают 33% русских и 35% азербайджанцев), большая часть представителей обеих культур отмечает взаимозаимствования. Указанные нашими респондентами межкультурные заимствования можно условно разделить на три группы.

а) **Взаимные межкультурные заимствования**, в основном охватывающие элементы традиционной культуры данных двух этносов. Оцениваются с обеих сторон положительно: язык, элементы материальной культуры, обычаи, пища, убранство жилища, архитектура и т. д.

б) **Односторонние положительные заимствования** (по мнению тех, кто их приобрел): чистоту, аккуратность, свободу поведения женщин и молодежи, некоторые элементы образа жизни азербайджанцы заимствовали у русских; скромность женщин, взаимовыручку, уважение к старшим, трезвость русские переняли у азербайджанцев (в основном это характеристики уклада жизни).

в) **Односторонние отрицательные заимствования** (по мнению тех, кто их приобрел): хитрость, изворотливость, лень русские заимствовали от азербайджанцев. Отрицательные заимствования азербайджанской культуры от русской не отмечались ни той, ни другой стороной. Можно предположить, что они либо намеренно не указывались, либо здесь мы сталкиваемся с разными способами отражения действительности в групповом самосознании (о чем речь пойдет ниже) — в данной группе присутствуют в основном заимствования психологических черт.

Данное разделение межкультурных заимствований на три группы с разными модальностями и с разным знаком еще требует своего осмысления. Важно то, что заимствования на первых двух уровнях оцениваются положительно, а на третьем — «психологическом» — имеют одностороннюю природу и оцениваются негативно. Можно предположить, что взаимовлияния на первых двух уровнях не осознаются носителями обеих культур как угрожающие их этнокультурной целостности и специфичности, а третий уровень — изменение самих носителей культуры (точнее, разрушение их ценностного единства) — воспринимается как «опасный» и нежелательный.

2. Социальная перцепция отличий «от русских в России». Для оценки того, как в этническом самосознании (в форме стереотипов) отражается результат «отрыва» субкультуры от своего, если можно так выразиться, этнокультурного «материка», мы спрашивали у респондентов, есть ли, на их взгляд, какие-нибудь отличия у русских, живущих в Азербайджане, от русских, живущих в России?

Только 10% опрошенных русских отрицают различия между русскими, живущими в Азербайджане, и русскими в России. Интересно, что большинство отмеченных различий — психологического характера (изменения не столько элементов культуры, сколько самих представителей данной культуры). Указанные различия можно сгруппировать так, как это представлено в табл. 3.

Таблица 3

Социальная перцепция отличий от «русских в России»*

Приобретения	Потери	Консервация
Хитрость, скрытность, недоверчивость, проницательность	Доверчивость, открытость	Традиционный уклад жизни
Скромность	Щедрость, бескорыстие	Конфессиональная принадлежность, культовая обрядность
Большая доброта, мягкость	Веселость, общительность	
Трезвость		

* Данные опроса респондентов обобщены и сведены авторами в таблицу.

Из данных, приведенных в ней, видно, как в сознании переселенцев находят отражение те изменения, которые произошли в результате тесного взаимодействия с иной культурой. Здесь необходимо вспомнить о разнице между объективными процессами и их субъективным отражением в этническом самосознании. Вследствие действия механизмов психологической проекции ряд черт, объясняемых респондентами межэтническим влиянием, во многом был присущ сектантским общинам изначально, благодаря стремлению к выделению из основного массива русской культуры, к самоизоляции. Это в свою очередь повлияло на закрепление таких психологических качеств, как «замкнутость, проницательность, скрытность». Но именно «замкнутость» и позволила, на наш взгляд, этим субкультурам сохранить свою целостность и специфичность в иноэтническом окружении, которое в свою очередь еще больше закрепляло названные свойства. Необходимо отметить также высокую развитость самосознания данной субкультуры, в котором четко отмечаются границы размежевания общности как с «материнским» этносом, так и с соседним, большим по размерам.

3. Характер межэтнического общения. Согласно теоретическим представлениям современной кросс-культурной психологии²⁰, по полученным этническим стереотипам можно судить об интенсивности и характере межэтнического общения. Для русских старожильческих групп Азербайджана характерны тенденция к «отделению» от соседней иноэтнической культуры посредством увеличения социальной дистанции, стремление к повышению собственного статуса и усилению негативной окраски этнических гетеростереотипов. Это, на наш взгляд, единый социально-психологический механизм, способствующий сохранению целостности и специфичности этнической общности в условиях тесного и активного взаимодействия с иной этнокультурной средой.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что негативные этнические стереотипы не есть объективная оценка каких-то негативных качеств представителей той или иной культуры. При анализе полученных стереотипов, на наш взгляд, нужно исходить из вопроса: почему та или иная этническая группа иногда негативно оценивает представителей соседней с ней культуры? При ответе на него мы почти всегда приходим к выводу, что большая социальная дистанция, негативные межгрупповые стереотипы и уверенность в собственной компетентности (высоком статусе) — это механизм «психологической защиты» (или контрсуггестии²¹) этнической общности от проникающих в нее инокультурных

элементов, грозящих разрушением ее целостности и специфичности. Появление такого механизма исторически и психологически понятно, поэтому и подходить к анализу данных явлений следует без предвзятости и с пониманием того, что такой «негативизм» — естественное явление межгруппового (межэтнического) восприятия. Он несет также и несомненную позитивную нагрузку — как внешней защиты, так и внутренней консолидации, усиления позитивной групповой идентификации этнокультурной целостности и единства. Вопрос этот сложен и в рамках данной статьи не может быть так проанализирован, как он того заслуживает.

Вместе с тем в ряде сел, особенно смешанных в национальном отношении, и в большей мере там, где «распалась» религиозная община (например, в с. Славянка), отмечаются снижение негативной окраски стереотипов и рост разнообразия стереотипных оценок, что свидетельствует о процессе «размывания» единства этнической группы, ослабления ее внутренней консолидации. Объективное этому свидетельство — увеличение количества выездов жителей таких сел в Россию.

Если говорить о психологической адаптации к иной культурной среде, необходимо иметь в виду два уровня: социально-психологический и индивидуально-личностный. До тех пор, пока этническая группа существует как единое целое и способна «защитить» себя от усиливающегося инокультурного влияния, мы вправе говорить о ее социально-психологической адаптации. Несомненно, что личность, находясь в целостной, обладающей единством и сплоченностью этнической субкультуре, чувствует себя более защищенно и комфортно. Когда же инокультурное влияние становится сильнее, чем «защитные» механизмы этнической группы, и, целостная в прошлом, она распадается на ряд отдельных малых социальных групп (а то и просто на отдельные семьи), то на уровне личностного сознания это ощущается как острый дискомфорт, побуждающий личность либо искать необходимое ей чувство «мы» в других группах той же этнической принадлежности (миграция в Россию), либо вживаться в новое, иноэтническое «мы», которое долгое время было «они» (аккультурация). Здесь перед нами уже вариант адаптации на личностном уровне, сфера действия иных закономерностей. На уровне социально-психологическом (или макроуровне) следует отметить, что, пока этническая общность существует, отражает в своем самосознании реальность всего с ней происходящего, сопротивляется собственному распаду (который во многом, естественно, неизбежен вследствие угасания мощной консолидирующей роли религиозной общины и действия других факторов), мы имеем дело с вариантами адаптации, пусть и не слишком устойчивой. Когда же она «размывается» (появляется разнообразие стереотипных суждений), сфера интересов замыкается внутри семьи, уменьшается внутренняя суггестия, появляются разные самоназвания и т. д., можно считать, что начался процесс психологической дезадаптации этнической общности в условиях инокультурного окружения.

Здесь следует отметить немаловажную роль и численности таких локальных субкультур — наиболее «жизнеспособные» русские села имели около 3 тыс. жителей. Согласно анализу данных о малых японских группах в странах Латинской Америки, проведенному С. А. Арутюновым и Г. П. Сафиной²², численность порядка 10^4 является средней, при которой отмечается наибольшее сопротивление к ассимиляции, наибольшее стремление к сохранению связей с ядром материнского этноса. Обследованные нами села, меньшие по численности и более изолированные от материнского этноса, несомненно, также подчиняются действию объективных законов, регулирующих процессы социальной и кросс-культурной реальности, и познание их — одна из важных, пусть и далеких пока задач подобных комплексных исследований.

Заключая краткое изложение аспектов психологической адаптации переселенческих групп к иной географической и этнокультурной среде, следует отметить, что в дальнейшем планируется проведение аналогичных исследований

в других республиках Закавказья, а также организация сравнительных исследований на других объектах с целью поиска инвариантных закономерностей психологической адаптации локальных субкультур к иной среде (в широком смысле). Это позволит расширить наши представления о психологической адаптации этноса вообще, а также даст возможность глубже заглянуть в психологическую структуру этнического, понять, почему «распад» этнической группы воспринимается человеком как личная трагедия, как нарушение смыслообразующих основ его личного бытия.

Заканчивая первичный обзор результатов исследования антропологических и психологических аспектов адаптации русских старожилов, а также познакомив читателей с особенностями семейно-брачных связей в новых условиях, мы надеемся, что продолжение подобных комплексных исследований позволит дать более разностороннее и глубокое представление об адаптации этнических групп к иной среде. Кроме того, на следующем этапе исследования мы предполагаем выйти на более высокий уровень теоретических представлений, объединяющий данные отдельных смежных дисциплин и позволяющий сочетать глубину исследований в каждой отдельной области с преимуществами комплексного подхода, дающего более целостное и всестороннее видение изучаемого объекта.

Примечания

¹ Козлов В. И., Комарова О. Д., Степанов В. В., Ямсков А. Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX—XX в.) // Сов. этнография (далее — СЭ). 1988. № 6.

² Бунак В. В. Об акклиматизации человеческих рас и сравнительном значении определяющих ее факторов // Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. С. 45.

³ Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1.

⁴ Публикацию итогов исследования см. Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. М., 1977; *ее же*. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.

⁵ Алексеева Т. И. Адаптивные процессы... С. 150.

⁶ Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960.

⁷ Дильман В. М. Четыре модели медицины. Л., 1987. С. 49—54; 94—100.

⁸ В с. Ивановка проведены и подробные этнографические исследования, результаты которых частично отражены в первой части данной статьи, а также в статье: Козлов В. И., Комарова О. Д., Степанов В. В., Ямсков А. Н. Указ. раб.

⁹ Пантюхов П. И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа // Кавказский календарь на 1899 г. Отд. 2. Тифлис, 1898. С. 35—93.

¹⁰ Бунак В. В. Русское население в Забайкалье // Антропологический сборник. IV (Тр. Ин-та этнографии (далее — ТИЭ). Т. 82). М., 1963; Давыдова Г. М. Антропологические исследования среди семейных русских Забайкалья // Там же; *ее же*. Сравнительная популяционно-генетическая характеристика трех русских деревень Алтая // Антропология и геоантропология. М., 1974; Русские старожилы Сибири (гл. III, V, VI). М., 1973.

¹¹ Бунак В. В. Русские старожилы смешанного происхождения // Русские старожилы Сибири.

¹² По всей видимости, в скрытой форме молоканство, духоборчество и субботничество сохранились на территории, откуда проходило выселение. Об этом свидетельствует тот факт, что еще в 20-е годы XX в. представители этих сект были достаточно многочисленны в Тамбовской, Саратовской и Воронежской областях. См., например, Путинцев Ф. Современное сектантство // Антирелигиозник. 1926. № 4, 6; *его же*. Районы распространения сектантов прежде и теперь // Там же. 1927. № 1.

¹³ Например, Bernholdt-Thomsen C. Die Entwicklungsbeschleunigung der Jugend (Grundtatsachen, Theorien, Folgerungen des Accelerations problems) // Ergebnisse der inneren Medizin und Kinderheilmunde. В., 1942. Bd. 62; Акинщикова Т. И. Соматическая и психофизиологическая организация человека. М., 1977; и др.

¹⁴ Козлов В. И., Комарова О. Д., Степанов В. В., Ямсков А. Н. Указ. раб.

¹⁵ Оценить степень изменений размеров тела по поколениям в будущем поможет сравнительный анализ данных, приводимых в указанной работе П. И. Пантюхова, и материалов исследования 1987 г., проведенного сотрудниками НИИ антропологии МГУ (готовятся к публикации).

¹⁶ Кузнецова С. М. Отчет группы Ин-та геронтологии АМН СССР об экспедиционной работе в с. Ивановка АзССР // Архив Ин-та этнографии АН СССР; Дубова Н. А. Научный отчет об экспедиционном выезде эколого-антропологического отряда Межинститутской комплексной этно-экологической экспедиции 1987 г. // Там же.

¹⁷ Исследования проводились в селах Новоивановка и Славянка Кедабекского р-на и в с. Ивановка Исмаиллинского р-на АзССР.

¹⁸ Психологическая диагностика. Проблемы и исследования. М., 1981.

¹⁹ Katz D., Braly K. W. Rasial Stereotyped oi 100 Coliege Students // J. Abnormal and Social Psychology. 1933. V. 28.

²⁰ Handbook of Cross-Cultural psychology. V. 5. Boston; ets., 1980. P. 25—61.

²¹ Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971. С. 7—35.

²² Арутюнов С. А., Сафина Г. П. Малые японские группы в испаноязычных странах Латинской Америки // Расы и народы. Вып. 12. М., 1982.

А. Б. Спewaкoвский

ДРЕВНЕЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА О. ШИКОТАН И ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА АЙНОВ

Дальневосточный регион с древних времен являлся местом, где контактировали разные этносы и соприкасались различные культурные традиции, что было следствием этнических процессов как в данной части Азии, так и на сопредельных территориях. Эти обстоятельства обусловили сложность этнической истории региона, многие проблемы которой еще не разрешены современной этнографической наукой. В первую очередь к их числу следует отнести проблему этногенеза айнов — аборигенного населения островных областей Дальнего Востока. Происхождение айнов представляет собой одну из важнейших проблем современной расологии, так как айны не только резко выделяются в антропологическом отношении среди этносов Азиатского континента, но и не соотносятся по полному набору антропологических признаков ни с одной популяцией мира. То же относится к айнскому языку, занимающему изолированное положение в мировой лингвистической классификации. Поэтому айнская проблема чрезвычайно трудна из-за определения генетического родства айнов с другими этносами земного шара и нахождения их прародины. Крайне сложно также выявить те межэтнические связи (особенно ранние) с населением материковых районов Азии, которые сыграли роль в формировании этнических особенностей (традиций, культуры и др.) и расового своеобразия айнской общности в целом и ее локальных вариантов.

Особую проблему представляет так называемая охотская культура (культура морских зверобоев и собирателей моллюсков в шельфовой зоне), вопрос о ее носителях и ее связях. Картина представляется чрезвычайно проблематичной и сложной. Охотская культура получила распространение начиная с I тыс. до н. э. (примерно с VIII в. до н. э.) по II тыс. н. э. на Сахалине, Курильских островах и севере о. Хоккайдо. На Хоккайдо и Курилах, где до этого господствовала культура *дзёмон* (дословно: «веревочный орнамент» — по характерным оттискам на керамике), характеризующая большинством исследователей, занимающихся этнической историей Дальнего Востока, как древнеайнская¹, охотская культура сосуществовала с последней. Параллельно с охотской в I тыс. н. э. развивалась культура *сацумон*, которую ученые связывают опять-таки с предками айнов. И наконец, на сцену выступают уже исторические айны. В исторической перспективе территории Хоккайдо и Курильских островов оказываются связанными с айнами и их предками с древности и практически до наших дней. Носители охотской культуры выступают в данном случае в качестве иноэтнического «клина».

Охотская культура, обнаруживающая в своих вариантах сходство с вариантами древнеайнской культуры, в целом, однако, отличается от *дзёмона* и по своим традициям, и по антропологическому облику ее носителей (например, по палеоантропологическим данным из раковинной кучи Моёро на Хоккайдо). Ее распространение, как полагают исследователи, началось с Сахалина.